

148-37

РАСЕКРЕЧЕНО

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам заявление А.Г. ШЛЯП-

НИКОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ: справка.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

В.И. Ленин

(АГОДА)

"22" октября 1935 г.

№ 57407

Экз. К. Союзен.

Москва, Бутырская тюрьма.

20-го октября 1935г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б).

Я обращаюсь к Вам не в поисках милосердия, а в защите своих прав.

В приближающийся час, возможно последней и решительной схватки реакционнейших сил капиталистического мира с силами социалистического пролетариата, в конечном итоге с силами его первого отечества - СССР, мне, ШЛЯПНИКОВУ А.Г., место не в тюрьме, а в рядах борющегося пролетариата.

Во имя, и ради получения этих прав, я обращаюсь к Вам, ко всему ЦК, ко всей партии, с просьбой изменить ко мне отношение и оказать мне доверие в лучших моих стремлениях.

У меня нет расхождений с партией, Коминтерном. Я разделяю полностью решения С"езда Коминтерна, восхищаюсь его смелым решением вопроса об едином фронте пролетариата. Я не считаю это решение правым зигзагом ВКП(б), а признаю его правильным, соответствующим реально сложившимся соотношениям сил в международной борьбе. Это решение и всю вытекающую из него политику я готов защищать словом, пером, делом.

Из отчетов о С"езде я понял, что этот смелый поворот к действительному осуществлению единого фронта совершен

под личным влиянием и руководством вождя И.В.СТАЛИНА: За эту смелость, я уверен, пролетариат всего мира скажет ему революционное спасибо. Это правильное, дальновидное и мудрое решение, основанное на аналитическом указании вождя пролетариата т.СТАЛИНА, будет иметь основное значение в победоносном движении рабочего класса.

Я глубоко скорблю о том, что в момент такого поворота и угроз врагов, я оказался вне поля брани и вынужден ныне просить Вас, весь ЦК, весь Коминтерн, оказать мне доверие. В этом - виноват только я.

Я совершил много ошибок, я во многом виноват перед партией, но я не повинен в преступлениях, которые приписаны мне. Я не имел никакого отношения к бандитизму в Сибири, я не имел ничего общего с проповедью восстания в тылу Красной Армии, я не участвовал в подпольных организациях и о существовании их не знал. И я прошу Вас снять с меня все подобные тяготеющие надо мной подозрения и обвинения.

Я виноват перед партией, перед ее ЦК во многом и особенно тяжело виновен своим отношением к ВКП(б) за последние три года. Это моя лично вина особенно отчетливо видна на фоне чистки ВКП(б) и моей роли в ней. Эта моя ошибочная позиция, несомненно являлась отрыв-

- 3 -

кой моей прежней оппозиционной активности, во время которой я скатывался к защите групповых интересов в ущерб целому и против этого целого - ВКП(б).

Я виноват и в том, что позволил окружить себя недостойными людьми, а своим поведением во время чистки и после нее давал повод ко всякого рода антипартийным заключениям.

Эту свою вину я осознал независимо от тюрьмы, готов признать ее и все свои антипартийные ошибки и действия публично и громко, в духе и форме, которые ЦК сочтет политически целесообразным.

Но я прошу не толкать меня " во вражеский стан", не давать врагам ВКП(б) прямо или ковенно, спекулировать на моем имени и поведении. Прошу помочь мне выправиться, стать полезным работником.

Находясь в тюремном заключении, я совершил ошибку, о которой вы знаете из письма моей жены: я был действительно на грани об"явления голодовки. Но я очень прошу поверить мне, что я не имел ввиду этим путем бросать какой либо вызов ЦК ВКП(б) или демонстрировать ему свою вражду. Совсем нет! Этим путем я надеялся лишь обратить Ваше внимание на безнадежность моего состояния: я теряю слух, я утрачиваю способность ходить, а в темноте я уже не могу передвигаться, я страдаю расстройством зрения. Я, моя семья - жена и трое малышей обречены на голод!

- 4 -

Врачи мне говорят: (в Магнитогорске, в Верхне-Уральске), что излечить меня в тюремной обстановке не могут. Для этого нужен другой режим. Но это они не осмеливались писать в НКВД, а говорили на словах и прописывали лекарства " не могущие повредить".

Я обращался с устными и письменными просьбами о помощи.

Но на все мои просьбы я не получил даже отказа. Перед мной стояла немая стена. И эта стена толкнула меня на путь отчаяния стукнуться в нее лбом. Но теперь это кончено.

Я очень благодарен ЦК, что своим вмешательством он помог мне сохранить свой лоб, я отказался от пути голодовок и решил обратиться к Вам с товарищеской просьбой о доверии и поддержке.

Я не хочу полумер. Я жду такого решения Политбюро, которое дало бы мне возможность окончательного и полного "возрождения", для деятельности полезной партии и отечеству. Я хочу быть полезным, сумею им быть даже больным. А если ЦК поможет мне стать на ноги физически - я отдаю весь остаток сил своих в его распоряжение, безоговорочно и целиком.

Я смею надеяться, что Ваше решение даст мне возможность встретить восемнадцатую годовщину победы Великого Ок-

- 5 -

тября на свободе и среди свободных пролетариев Москвы, как подобает тому ШЛЯПНИКОВУ, которому партия тогда поручила боевые задачи. Тем ШЛЯПНИКОВИМ, до своих антипартийных ошибок, я и хочу стать теперь. В этом направлении я ожидаю смело и уверенно Вашей поддержки. Право на ее я оправдаю полностью.

А. ШЛЯПНИКОВ.

Верно: *Сергей*

20 Октября 1957.

184

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Я обращаюсь к Вам не в поисках милосердия, а в защиту своих прав.

В предвещающей нас, возможно последней и решительной схватке реакционнейших сил капиталистического мира с силами социалистического пролетариата, в конечном итоге с силами его первого отечества - СССР, мне, Шлишманову А. Г., место не в тюрьме, а в рядах борющегося пролетариата.

Во имя и ради получения этих прав я обращаюсь к Вам, по-прежнему ЦК, ко всей партии, с просьбой уделить по мне внимание и оказать мне доверие в лучшем моем стремлении.

У меня нет расхождений с партией, с Коминтерном. Я раделью полностью решению Съезда Коминтерна, воспринятого его сильными решениями вопроса об едином фронте пролетариата. Я не считал это решение „правым решением ВКП(б)“, а признаю его правильным, соответствующим реально сложившимся соотношениям сил в международной борьбе. Это решение и вся вытекающая из него политика я готов формулировать словом, делом, делом.

Из ответов о Съезде я помню, что такой славный поворот к действительному осуществлению единого фронта совершен под личным влиянием и руководством вождя, У. В. Сталина. За эту смелость, я уверен, пролетариат всего мира скажет ему революционное спасибо. Это правильное, дальновидное и мудрое решение, основанное на антимпериалистическом характере вождя пролетариата и Сталина, будет иметь основное значение в победоносном движении рабочего класса.

Я глубоко скорблю о том, что в момент такого поворота и угрозы врагов, я оказался вне поля боя и вынужден лишь просить Вас, весь ЦК, весь Коминтерн, оказать мне доверие. В этом - виноват только я.

Я совершил много ошибок, я во многом виноват перед партией, но я не повинен в преступлениях, которые приписаны

мене: я не имел никакого отношения к бандитизму в Сибирии, ³⁰ я не имел ничего общего с проповедью восстания в тени Красной армии, я не участвовал в подпольных организациях и о сути ваших и не знаю. И я прошу все статьи с меня все удалить, только касающиеся на до мной подозрения и обвинения.

Я виноват перед партией, перед ее ЦК во многом и особенно так же виноват своими отношениями к ВКМ(б), за последние три года. Эта моя вина особенно отчетливо видна на фоне чистки ВКМ(б) и моей роли в ней. Эта моя ошибочная позиция, несомненно, явилась отражением моей партийной оппозиционной активности, во время которой я старался влиять на защиту трудовых интересов в ущерб целому и против этого целого - ВКМ(б).

Я виноват и в том, что горькими переживаниями и сомнениями я своим поведением во время чистки и после нее давал повод ко всякого рода антипартийным фактозам.

Эту свою вину я осуждаю независимо от того, готов ли признаться себе и все свои антипартийные ошибки и ошибки публично и честно, в душе и форме, которые ЦК сочтет политически целесообразными.

Но я прошу не толкать меня "во вражеский стан", не давать врагам ВКМ(б) прямо или косвенно, спекулировать на моей вине и поведении. Прошу помочь мне выстроиться, стать полноценным работником.

Наряду с моральным фактом, я совершил ошибку, о которой Вы знаете из письма моей жены: я был действительно на грани объявления гонимости. Но я очень прошу поверить мне, что я не имел ввиду этим путем бросить какой либо вызов ЦК ВКМ(б) или продемонстрировать силу своего гнева. Совсем нет! Этим путем я надеюсь лишь обратить Ваше внимание на безнадзорность моего соплеменника: я терло существо, я утрачиваю способность ходить, а в темноте я уже не могу передвигаться, я страдаю физическими страданиями. А моя вина - вина и горе малых - обречены на гоним!

155-од.

Врачи мне говорят: (в Мамнитогорске, в Верном, Ураловке), что вылечить меня в тюремной обстановке не могут. Для этого нужен иной режим. Но это они не осмеливались писать НКВД, а говорили на словах и прописывали лекарства "не могущие повредить".

Я обращаюсь с устным и письменным прошением о помощи. Но на все мои просьбы я не получил даже отказа. Передо мной стояла немая стена. И эта стена толкнула меня на путь отчаяния: спрыгнувшая в нее яблоня.

Но теперь это кончено.

Я очень благодарен ЦК, что своим вниманием он помог мне сохранить свой лоб: я откараулился от пути голодовки и решил обратиться к Вам с товарищеской просьбой о доверии и поддержке.

И я не хочу полуреш. Я жду такого решения Политбюро, которое даст бы мне возможность окончательного и полного "возрождения", для деятельности полезной партии и молодежи. Я хочу жить полурешим, счастие или счастье даже болевшим. А если ЦК, поможем мне стать на ноги дружески - я отдаю все отпущенное мне своим в его распоряжение, безоговорочно и целиком.

Я смело надеюсь, что Ваше решение даст мне возможность встретить всемогущую доброту Великого Сталина на свободе и среди свободных интеллигентов Москвы, как победителю Шмидникову, которому партия тогда поручила боевые задачи. Мне Шмидниковым, до своих антипартийных ошибок, я и хочу стать теперь. В этом направлении я отдаю смело и уверенно Вашей поддержке. Право на нее я отдаю полностью.

А. Шмидников.

С П Р А В К А.

ШЛЯПНИКОВ, Александр Гаврилович, 1885 года рождения, урож. г. Мурманска, быв. член ВКП(б) с 1901 по 1933 г.. Из партии исключен в 1933 г. во время партийной чистки.

Постановлением Особого Совещания от 26/III-35 г. заключен в концлагерь на 5 лет. В данное время временно находится в Бутырской спецбольнице НКВД.

В процессе следствия по делу ШЛЯПНИКОВА А.Г. и др. активных участников к.-р. группы "Рабочей оппозиции" в Москве, Омске, Ростове и в др. местах было установлено, что на протяжении всего периода после X съезда ВКП(б) до 1934 г. включительно ШЛЯПНИКОВ вел активную идейно политическую и организационную контр-революционную работу.

" В квартире ШЛЯПНИКОВА периодически происходили собрания близких ему по взглядам лиц. Эти собрания происходили довольно часто (раза 2-3 в месяц). На них обычно присутствовали: единомышленники ШЛЯПНИКОВА: Бруно Генрих, Правдин, Челышев И., без-партийные Гриц, Батенин, Свечников, Прокопенко и Николаенко.

На этих собраниях подвергались к.-р. критике все вопросы внутренней и внешней политики партии. Собрание на квартире ШЛЯПНИКОВА, 6-го декабря 1934 г. после похорон тов. Кирова. На этом собрании присутствовали: ШЛЯПНИКОВ, ПРАВДИН, БУРНО, ГРИН, СВЕЧНИКОВ и я. Говорили об убийстве тов. Кирова: ШЛЯПНИКОВ пытался оклеветать и дискредитировать имя тов. Кирова, в прошлом.

Кроме того ШЛЯПНИКОВ заявил, что "конечно, убийство тов. Кирова будет использовано Центральным комитетом ВКП(б) для расправы с оппозиционерами".

(Показания свидетеля СЕРГИЕВСКОГО).

"Я не разделяю политику партии по всем основным вопросам. Политические разногласия с партией у меня усилились к концу 1933 г. Во время своего последнего приезда в Москву в конце 1933 г. я о своих разногласиях делился с ШЛЯПНИКОВЫМ и МЕДВЕДЕВЫМ и сказал, что подал заявление о выходе из партии. Как ШЛЯПНИКОВ так и МЕДВЕДЕВ возражали против моего выхода из партии."

(Показания осужденного Быхацкого, участника Киевской к-р. группы "РО")

"Мне известно, что в Москве существует центр "Рабочей оппозиции". В состав его входит ШЛЯПНИКОВ и МЕДВЕДЕВ. Остальных членов Центра я не знаю.

В конце 1932 или в начале 1933 г. ко мне из г. Омска приехала КАДЫГРОВА Софья. Она привезла мне письма от БАРИНОВА и КОРМЩИКОВА. Последние сообщали мне, что они уже подобрали людей для подпольной работы, но нет должного руководства из Центра.

Эти письма я передал ТАРАСОВУ а ТАРАСОВ с этими письмами отправился к ШЛЯПНИКОВУ А.Г. От последнего ТАРАСОВ принес письмо для БАРИНОВА, которое я вручил КАДЫГРОВОЙ для руководителя омской организации "Рабочей оппозиции" - БАРИНОВА.

Вместе с письмом ШЛЯПНИКОВА я отправил письмо БАРИНОВУ лично от себя в котором сообщил ему, что отправляю ему письмо ШЛЯПНИКОВА для руководства и предложил БАРИНОВУ в дальнейшем держать связь с Центром через меня. С этого момента с омской организацией "РО" поддерживалась постоянная связь через проводника ж.л. Омск-Москва - Ганина.

Директивные указания омской организации "РО" всегда давались только ШЛЯПНИКОВЫМ."

(Из показания осужденного ВИЧИНСКОГО)

В процессе следствия также было установлено, что ШЛЯПНИКОВ А.Г. знал контрреволюционные замыслы КАМЕНЕВА, ЗИНОВИЕВА и др. и вел с ними переговоры о блоке:

- 3 -

" В мае 1933 г. на квартире у ШЛЯПНИКОВА в присутствии меня и С.П. МЕДВЕДЕВА обсуждалось заявление КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА, опубликованное в "Правде".

ШЛЯПНИКОВ и МЕДВЕДЕВ тогда сообщили мне, что еще не давно ЗИНОВЬЕВ обратился к ним с предложением блока, но они от этого отказались".

(Из показаний свид. Сергиевского)

"Из моих бесед с ШЛЯПНИКОВЫМ в 1932 г. в квартире у РОЗЕНА, ШЛЯПНИКОВ А.Г. в развернутом виде излагал мне свою политическую позицию, сводившуюся к контрреволюционной платформе "Рабочей оппозиции". ШЛЯПНИКОВ остался на своих контрреволюционных позициях и борьбы с Соввластью и ВКПб не прекратил.

Однажды в 1932 г. я встретил ШЛЯПНИКОВА и МЕДВЕДЕВА С.П. на квартире у ЗИНОВЬЕВА."

(Из протокола очной ставки ШЛЯПНИКОВА с ВАРДИНЫМ от 28/1-35 г.)

"В начале 1932 г. я пришел к ШЛЯПНИКОВУ на квартиру, в беседе с ним высказывал свою контрреволюционную оценку положению в стране и сделал вывод о необходимости собраться всем старым большевикам, составить платформу и направить ее в ЦК. При этом я сказал ШЛЯПНИКОВУ, что этот документ должен быть основой для создания нового к-р блока против партии.

ШЛЯПНИКОВ на это мне ответил: "Ну, что и говорить о партии, партии нет. А что касается платформы, то платформа у нас старая, т.е. та платформа, с которой мы боролись против ЛЕНИНА. За эту нашу платформу вы и троцкисты били нас а теперь за это расплачиваетесь."

(Из протокола очной ставки ШЛЯПНИКОВА с САФАРОВЫМ от 14/11-35 г.)

Во время пребывания в В. Уральском концлагере ШЛЯПНИКОВ занимался контрреволюционной агитацией среди заключенных:

"ШЛЯПНИКОВ всегда готов рисовать нам прелести Европейской демократии. Он говорит, что если в капиталистических странах

нет сильных компартии, то этим мы обязаны "прелестям нашего режима". Он высмеивает наши газетные сообщения о плохом положении в капиталистических странах, о кризисе, нашу теорию загнивания капитализма и пр. Все это по его мнению безграмотно: капитализм выйдет из кризиса и снова развернет свои производительные силы. Ленинскую установку о том, что послевоенный капитализм не в состоянии ликвидировать своего развала, ШЛЯПНИКОВ считает фатализмом в политике, вредной и ошибочной установкой.

ШЛЯПНИКОВ издевательски относится к нашей партийной прессе, которая по его мнению лжива и "сознательно обманывает советскую общественность."

ШЛЯПНИКОВ говорит, что в буржуазных странах безработные живут лучше, чем рабочие в СССР и "если рабочие Англии дорожат своей демократией, то они правы и трижды правы, когда они критикуют наши порядки."

Как радостную перспективу ШЛЯПНИКОВ ожидает войну, которая по его мнению "приведет к революции в капиталистических странах и кое-что изменит и у нас". Но победивши немецкий пролетариат никогда не потерпит такого режима, как у нас в СССР."

Эти свои взгляды ШЛЯПНИКОВ открыто пропандирует среди заключенных во время прогулок."

(аг. сообщение от июля 1935г.)

По заключению врачей-специалистов Бутыроккой больницы, ШЛЯПНИКОВ страдает артериосклерозом, перерождением сердечных мышц и поражением слуховых нервов.

НАЧ. СЕКР. ПОЛИТ. ОТД. ГУГБ:
(Ф. МОЛЧАНОВ)

" " октября 1935г.

